

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.015
УДК 94(571.17)»1928/1932»:332.8(091)
ББК 63.3(2Рос-4Кем)614-2

Н.М. МОРОЗОВ

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В Г. КЕМЕРОВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1928–1932)

N.M. MOROZOV

HOUSING AND COMMUNAL CONSTRUCTION IN KEMEROVO IN THE YEARS I FIVE-YEAR PLAN (1928–1932)

*Статья написана в рамках реализации научного проекта
«Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое
развитие региона в XVII–XX вв.» (AAAA-A21-121011590011-2).*

В статье рассматриваются проблемы, которые в годы первой пятилетки (1928–1932) местные власти Кемерово решали в процессе строительства жилья и коммунальных объектов. В рассматриваемый период эта отрасль городского хозяйства оказалась недооценённой частью большой программы создания на территории Кемерово крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса. Темпы гражданского строительства пока существенно отставали от темпов роста населения. Тем не менее, в условиях ежегодного острого дефицита финансовых, различных материальных и трудовых ресурсов появились отдельные улицы одно— и двухэтажных деревянных бараков для рабочих, были введены в эксплуатацию первые каменные здания социальных учреждений и несколько полу-благоустроенных многоэтажных домов, заложен ряд важных коммунальных объектов.

The article examines the problems that were solved during the first five-year plan (1928–1932) by the local authorities of Kemerovo in the process of building housing and communal facilities. In the period under review, this branch of urban economy turned out to be an underestimated part of a large program to create the largest coal chemical complex in the USSR on the territory of Kemerovo. The rate of civil engineering has so far lagged significantly behind the rate of population growth. Nevertheless, in the context of an annual acute shortage of financial, various material and labor resources, separate streets of one— and two-story wooden barracks for workers appeared, the first stone buildings of social institutions and several semi-well-equipped multi-storey buildings were put into operation, and other utilities important for the population were laid.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кузбасс, Кемерово, жилищно-коммунальное строительство, гражданское строительство, архитектурный облик города.

KEY WORDS: Kuzbass, Kemerovo, housing and communal construction, civil engineering, architectural appearance of the city.

ВВЕДЕНИЕ. Состояние жилищно-коммунального строительства отражает не только текущие задачи, организационные, финансовые и технологические возможности общества по освоению той или иной территории, но также запрос государства на трудовые ресурсы, и различных слоёв населения — на качество жизни. В настоящее время очевиден очередной этап бурного развития этой многозначной сферы, в итоге обогащающей культуру быта современного человека. Это особенно заметно в промышленных городах и областных столицах, каким является и Кемерово — уже более 90 лет крупнейший в стране центр углехимической промышленности.

Изучение местного опыта масштабного жилищно-коммунального строительства, который нарабатывался уже в годы первой пятилетки, актуально для понимания преемственности и новизны последующих практик в этой отрасли городского хозяйства, извлечения из него полезных уроков и учёта допущенных ошибок.

ЦЕЛЬ статьи — рассмотреть проблемы, связанные с жилищно-коммунальным строительством в Кемерово в годы первой пятилетки (1928–1932).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками исследования явились документы Государственного архива Кузбасса и материалы местной прессы, факты из которых с помощью историко-сравнительного метода были подвергнуты анализу, сопоставлены между собой, и позволили выявить основные проблемы гражданского строительства в Кемерово в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Историки неоднократно обращались к теме реализации в годы первой пятилетки планов по обеспечению граждан жильём и коммунальными услугами. Авторы выделили этапы жилищного строительства в СССР, рассмотрели формирование правовой основы советского градостроительства, отметив её чрезмерную политизацию. Они вскрыли ошибочность бытовавшей во властных структурах идеи финансовой «вторичности» возведения жилья и коммунальных объектов в условиях реализации в стране грандиозной промышленной программы. Ими были определены особенности планировки соцгородов, проанализирован опыт продвижения в массы идеи обобществления быта [11; 14].

Изучая проблемы проектирования и застройки городов в различных районах Сибири, в том числе и Кузбассе, исследователи указали на причины жилищного кризиса, который в течение первых пятилеток испытывало их население [10, с. 51; 15]. Форсированное промышленное строительство в Кузбассе, по мнению ряда историков, негативно отразилось на развитии других территорий Западной Сибири [7, с. 39]. Формированию архитектурного облика и планировочной структуры Кемерово посвящены работы архитекторов И.В. Захаровой и Ю.С. Зюзькова [8; 9].

Новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении пока слабо изученного комплекса проблем, связанных с возведением объектов жилищно-коммунального назначения, с которыми сталкивались и с переменным успехом решали власти города.

Годы первой пятилетки (1928–1932) явились началом крупномасштабного жилищно-коммунального строительства в Кемерово (до марта 1932 г. — г. Щегловск). К началу первой пятилетки при застройке левобережной части города от проекта томского архитектора Парамонова (1918) реализованной осталась лишь схема расположения некоторых улиц и площадей. Территорию предполагаемого «сад-города» в полном беспорядке «заселили» частные застройщики с одно-двух-трёх комнатными домами. В Щегловске придомовые участки использовались исключительно под огороды, отсутствовали кустарники и деревья. Среди хаотично застроенных жилых кварталов землянками, деревянными одно и двухэтажными домами и ведомственными бараками, отдельными островками выделялось несколько каменных зданий: госбанка (1928), Дворец Труда (архитектор А.Д. Крячков) (1928), первый корпус окружной больницы (1928).

Во избежание разрастания самовольной застройки, президиум горсовета решением от 23 октября 1928 г. возложил на горкомхоз обязанность выявлять таких нарушителей, предавать их суду, и не допускать ремонта и возведения пристроек к таким сооружениям [2, л. 13].

В правобережной части города по проекту голландского архитектора Й.Б. ван Лохема ещё до начала 1930-х гг. отстраивались улицы посёлка Новая колония для шахтёров Кемеровского рудника, в котором превалировали двухэтажные неблагоустроенные деревянные бараки. В июне 1928 года на пленарном заседании Щегловского горсовета один из руководителей рудника В.К. Отдельнов сетовал на запоздалое получение проектов жилых домов.

По его мнению, «из рабочего посёлка делается деревня, так, при каждом доме делается стайка». Не поддержав точку зрения В.К. Отдельнова, некоторые депутаты вносили предложения: «на стайки затрачиваем порядочно, а погребов нет», а ещё «планировке посёлков не уделяется достаточного внимания и от [отсутствия] зелёного насаждения Красная горка лысеет, а насаждать мы не думаем», «квартиры на Кемруднике похожи на конюшни, уборные стоят у самых окон, в ящики ребята падают» и т.д. [3, л. 20-21].

В течение всей пятилетки на местном, региональном и столичном уровнях шла работа над схемой общей планировки Щегловска. Её предлагаемые варианты неоднократно рассматривались и отклонялись потому, что постоянно менялся план размещения в городе крупных союзного значения промышленных предприятий [8, с. 43-44]. Согласно популярной в тот период идее «города-сада» и проекту немецкого архитектора Э. Мая (1931), в будущих жилых кварталах Щегловска исключалась частная застройка, предусматривалось максимальное обобществление быта. Его реализация связывалась со строительством домов-коммун и жилищных комбинатов с полным набором социальных объектов, предназначенных для оказания коммунальных и социальных услуг. Предполагалось нормированное удовлетворение индивидуальных потребностей человека.

В целях подготовки общественного мнения к положительному восприятию идеи обобществления быта партийные власти города ещё в июле 1929 года в трудовых коллективах развернули широкую дискуссию о преимуществах жилищной кооперации и о том, вправе ли члены ВКП(б) обзаводиться частными домами с огородами. В противовес этому коммунисты химзавода, например, указывали на пугающую людей практику выселения из ведомственного жилья в случае инвалидности или выхода на пенсию. Её причину они видели в боязни людей за завтрашний день, остром жилищном кризисе, неудовлетворительном снабжении рабочих продуктами. Однако часть партийцев всё же отрицательно относилась к проявлениям «мелкособственнических тенденций» [13].

Ясность в этом вопросе внесло Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 29 мая 1930 г., в котором указанная выше идея была названа оппортунистической и утопической, «скрывающая «под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность, ... появившиеся за последнее время в печати проекты перепланировки существующих городов и постройки новых, исключительно за счёт государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей, с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом приготовления пищи и др. Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта» [12, с. 118-119].

Из предложенных проектов общей планировки города к середине пятилетки были построены лишь отдельные социальные объекты: строительный техникум, школа ФЗС (фабрично-заводская семилетка) и один 3-х этажный дом, размечены и замощены две главные улицы. Первые дома в первом квартале соцгорода проекта Э. Мая, в 1931 г. вначале строились двухэтажными деревянными коридорного типа, но впоследствии были заменены на каменные.

Жилищно-коммунальное строительство осуществлялось в условиях ежегодного не выполнения по различным причинам контрольных цифр по освоению капиталовложений. В 1931 году, например, из предусмотренных для Щегловска на промышленное и прочее строительство 72 млн рублей было получено всего 54, 7 млн. Из них, 59,7% ушло на промышленное строительство, 30,1% — на жилищно-коммунальное и культурно-бытовое, 6,8% — на развитие транспортной инфраструктуры, 3,1% — на сельское хозяйство. При этом, плановые заявки городской организации Жилстрой по круглому лесу были удовлетворены всего на 16%, по кирпичу — на 18%, по извести — 30%, по цементу — 18%, железу — 20%. Остро

ощущался недостаток рабочей силы в третьем квартале (в период уборки урожая и выбытия отходников в деревню). Энергострой имел лишь 60% от запланированных 1200 человек, Кузбассжилстрой — 47%, Коксострой — 50%, Сибстройпуть — 40%, т.е. дефицит строителей составлял около 8000 человек [1, л. 30–31]. В течение указанного года среди прибывших в перечисленные организации 50% рабочих были в возрасте до 23 лет и не имели квалификации.

Заготовка большого объёма древесины (одного из основных строительных материалов) осуществлялась не только силами работников районного леспромхоза — специализированной организации, но также населения деревень путём выполнения разнарядок, которые ежегодно спускались в качестве обязательных заданий сельсоветам и райколхозсоюзу. Значительный годовой объём лесозаготовок приходился на зимние месяцы. В колхозах организовывались бригады лесорубов с заключением договоров на выполнение работ, с мобилизацией личного гужевого транспорта. Сложившаяся система оказалась слабо управляемой. К концу каждого зимнего сезона — во второй половине марта объявлялся «двухнедельник штурма лесозаготовок», нацеленный на ликвидацию «провала» в выполнении плана первого квартала [4, л. 99, 112].

Часть брёвен сплавлялась по воде в район Журавлёвской гавани. К маю 1932 г. по берегам Томи скопилось большое количество «хвостов» хвойных и иных пород деревьев, в которых нуждались строители. Для обеспечения их сплава в Кемеровском районе дополнительно были выявлены и мобилизованы 47 специалистов (гребщики, составители плотов, лоцманы, гонщики), не работавших в лесосплавных конторах.

Список трудностей добавлял низкий объём производства местных строительных материалов. На 1 декабря 1931 года годовой план по кирпичу был выполнен всего на 44%.

Производительность труда на стройках ежемесячно колебалась от 70 до 90% от плановой, а в отдельные месяцы опускалась до 60%. На повестке дня остро встал вопрос о переводе всех стройучастков на хозрасчёт, благодаря которому уже работавшие по новой системе коллективы сумели повысить производительность труда до 109–132%.

Президиум горсовета на заседании, состоявшемся 3 февраля 1932 г., при рассмотрении вопроса о рабочем посёлке при Кемеровском руднике (100 стандартных домов и ряд зданий культурно-бытового назначения), констатировал факт его возведения Шахтоуправлением без согласования и утверждения плана строительства в соответствующих местных инстанциях. В результате обнаружилось отсутствие в посёлке коммунальных служб, пожарной части и санитарного надзора, которые в срочном порядке ведомству было указано организовать [5, л. 62].

На заседании президиума Новосибирского крайисполкома, прошедшем 7 августа 1932 года, председатель Кемеровского горсовета Ф.С. Бирюков доложил о трудностях в условиях отсутствия генерального плана города, которые имелись в жилищно-коммунальном строительстве. Среди них: невозможность определения мест для возведения домов; водопровода, который в городе строился уже на протяжении 3-х лет; городская электросеть не удовлетворяла в полной мере потребностям Кемерова в электроэнергии, и её реконструкция ещё и не начиналась. Город не имел коммунального моста через Томь, несмотря на громадную потребность в нём. В 1932 году только с мая по октябрь через реку различными плавсредствами было переправлено 863 тыс. человек и 250 тыс. тн грузов [6, л. 122–122 об.].

В завершающий год пятилетки из различных источников планировалось привлечь средства на строительство таких коммунальных объектов, как: Дом Советов, гостиница, пожарное депо и вышки на новых шахтах и новостройках, электроподстанция, продолжение прокладки водопровода и начало его прокладки в правобережной части, канализация, баня и прачечная в городе и на новых шахтах, мощение улиц (14 км), постройка моста через р. Искитимку (75 тыс. руб.) и водная переправа через р. Томь (100 тыс. руб.).

В конце декабря 1932 г. на президиуме горсовета были подведены предварительные итоги выполнения плана горстройтрестом. Его годовая программа строительства стоимостью 1295 тыс. рублей оказалась освоенной только на 44,9% (581,5 тыс. руб.) с перерасходом на 15,4% относительно сметных цен. Из 14 строек титульного списка в эксплуатацию было введено лишь два объекта: известковый завод и жилой дом, перешедший с 1931 г. с готовностью на 91%. По шести объектам техническая готовность составляла: пожарного депо — 5%, кирзавода — 42%, школы ФЗС — 25%, вет.амбулатории — 20%, дома милиции — 6%, типографии — 64%. Остальные незавершённые стройки были законсервированы, это: гостиница, с технической готовностью 32%; прачечная — 5%; электроподстанция — 8%; новое жилое строительство — 53%; кузница — 5%; рыбохранилище — 30%.

Основной причиной невыполнения плана были назван дефицит всех видов ресурсов. Обеспеченность рабочей силой составляла 46% (при среднегодовом количестве наличных рабочих и служащих — 231 человек), кирпичом — 42%, цементом — 6%, круглым лесом — 61%, пиломатериалами — 3%, гвоздями — 5%, стеклом — 16% от потребности. Имели место распылённость ресурсов по многочисленным стройкам, а также отсутствие надлежащего оперативного планирования и технического руководства. Нетрудно заметить, что скромные производственные мощности горстройтреста не соответствовали масштабу его годовой строительной программы.

Несмотря на указанные выше трудности, в течение пятилетки городской и ведомственный жилищные фонды (возводился трестами, подведомственными наркоматам) в совокупности выросли на 232% (с 136,1 тыс м² в 1928 г. до 316 тыс. м² в 1932 г.). При этом 27% жилфонда относилось к частному сектору, наполовину состоявшему из землянок, расположенных в так называемых «нахаловках» — кварталах незаконно возведённого неблагоустроенного жилья. В городской черте находилось 9 «нахаловок»: 6 в левобережной части, и 3 на правом берегу. В них проживало 18% населения.

Ежегодно наряду с высокими темпами жилищного строительства, диспропорция между ростом жилого фонда и ростом населения Кемерово неуклонно нарастала. Если в 1928/1929 финансовом году при численности жителей в 47,1 человек в среднем на одного человека приходилось 3,24 м², то к началу 1933 года при численности жителей в 105 тысяч человек этот показатель снизился до 2,43 м² [6, л. 123–123 об.]. При этом, пленум горсовета 27 января 1930 года в целях расквартирования военнослужащих размещённой в городе военной части был вынужден принять решение об их вселении в квартиры и дома, где жилплощадь на одного проживающего превышала 3,11 м². Среди городов Сибкрая население Кемерово оказалось самым малообеспеченным из расчёта м² на одного человека (Томск — 3,9 м²; Омск — 3,1 м²; Новосибирск — 2,8 м²; Анжеро-Судженск — 2,8 м²; Барнаул — 2,7 м²; Ленинск — 2,6 м²).

К концу пятилетки идея жилищных комбинатов была реализована лишь на Притомском участке левобережья в виде четырёх четырёхэтажных домов-коммун с неполным обобществлением быта, имевших центральное отопление и горячую воду. В них отсутствовали водопровод (холодная вода) и канализация. В городе все многоэтажные здания пока обеспечивались общественными уборными на улице. Авторы проектов не руководствовались соблюдением принципа социального равенства. Для одиноких трудящихся предусматривались общежития-коммуны коридорного типа. Для семей руководителей — трёхкомнатные квартиры с санузлом, кухнями и ванными комнатами. Для служащих — двухкомнатные квартиры с маленькими узкими кухнями (1,5х4 метра), на лестничной площадке с общим туалетом и ванной [8, с. 47].

ВЫВОДЫ. В течение первой пятилетки жилищно-коммунальное строительство в Кемерово оказалось недооценённой частью большой программы создания на его территории крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса и велось без утверждённой схе-

мы планировки города. Темпы гражданского строительства пока существенно отставали от темпов роста населения. В Кемерово показатель обеспечения жилплощадью на 1 человека оказался один из самых низких среди городов Западной Сибири. Тем не менее, в условиях ежегодного острого дефицита финансовых, различных материальных и трудовых ресурсов появились отдельные улицы одно- и двухэтажных деревянных бараков для рабочих, были введены в эксплуатацию первые каменные здания социальных учреждений и несколько полу-благоустроенных многоэтажных домов, заложен ряд важных коммунальных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-15. Оп. 4. Д. 5.
2. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 74.
3. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 75.
4. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 334.
5. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 354.
6. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 268.
7. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930— гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–54.
8. Захарова И.В. Кемерово: город-сад — соцгород — город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово: Кузбасс XXI век, 2020. 144 с.
9. Зюзьков Ю. Слово о городе-саде Щегловске // Красная горка. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 48–62.
10. Исаев В.И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 47–55.
11. Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: Сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. М.: УРСС, 2010. С. 335–351.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М.: Политиздат. 1984. 446 с.
13. Кузбасс. 1929. № 164 от 20 июля.
14. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
15. Сарин Д.П. Жилищное строительство в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (3) С. 667–687.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Kuzbassa [State Archive of Kuzbass]. (GAK). F. P-15. Op. 4. D. 5. (In Russian).
2. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 74. (In Russian).
3. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 75. (In Russian).
4. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 334. (In Russian).
5. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 354. (In Russian).
6. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 268. (In Russian).
7. Duhanov S.S. *Problemy «nedostroennogo goroda» v Zapadnoj Sibiri 1930— gg.* [Problems of the «unfinished city» in Western Siberia 1930–] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2017. № 2. S. 38–54. (In Russian).
8. Zaharova I.V. *Kemerovo: gorod-sad — socgorod — gorod-ansambl'. Gradostroitel'stvo i arhitektura 1910–1950-h godov.* [Kemerovo: garden city — social city — ensemble city. Urban planning and architecture 1910–1950s.]. Kemerovo: Kuzbass XXI vek, 2020. 144 s. (In Russian).
9. Zyuz'kov YU. *Slovo o gorode-sade SHCHeglovsk* [Word about the garden city Scheglovsk] // *Krasnaya gorka*. Vyp. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001. S. 48–62. (In Russian).

10. Isaev V.I. *Processy modernizacii v sfere byta rabochih Sibiri v gody pervyh pyatiletok (1928-1937 gody)* [Modernization processes in the sphere of life of workers in Siberia during the first five-year plans (1928-1937)] // *Istoricheskij kur'er*. 2020. № 1 (9). S. 47-55. (In Russian).
11. Kosenkova YU.L. *Opyt formirovaniya pravovoj osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920-1930-e gg.* [Experience in forming the legal basis of Soviet urban planning. 1920s-1930s.] // *Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya: Sb. nauch. tr. NIITIAG RAASN. M.: URSS, 2010. S. 335-351.* (In Russian).
12. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). T. 5. 1929-1932.* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1986). VOL. 5. 1929-1932]. Moskva: Politizdat. 1984. 446 s.
13. Kuzbass. 1929. № 164 ot 20 iyulya. (In Russian).
14. Meerovich M.G. *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917-1937.* [Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people. 1917-1937]. M.: ROSSPEN, 2008. 303 s. (In Russian).
15. Sarin D.P. *Zhilishchnoe stroitel'stvo v ugol'nyh rajonah Kuzbassa v 1928-1932 gg.* [Housing construction in the coal districts of Kuzbass in 1928-1932] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 22 (3) S. 667-687. (In Russian).